

КАНДИДАТ

ПОСТУПЛЕНИЕ

В АКАДЕМИЮ

ШЕРЕМЕТЬЕВЫ

ПРИКАЗ

СЛОВО — ЗАКОН
ЦЕНА — КРОВЬ

ПОГЛОЩЕНИЕ

КОПИРОВАНИЕ
ЧУЖАЯ МАГИЯ — МОЯ СИЛА

КОНТРАКТ

ПОДПИСАНО КРОВЬЮ
СКРЕПЛЕНО ЖИЗНЬЮ

Lost In Space

Наследник, которого не должно быть

Lost In Space

**Кандидат, поступление
в Академию**

«Автор»

2026

In Space L.

Кандидат, поступление в Академию / L. In Space — «Автор»,
2026 — (Наследник, которого не должно быть)

Я очнулся в другом мире в теле юного княжича Дмитрия Шереметьева, ученика Имперской магической Академии. Казалось бы, живи да радуйся: титул, деньги, будущее. Если бы не одна мелочь — родной клан давно живёт по чужим правилам, родители мертвы, а власть в доме держит дядя, которому наследник совершенно ни к чему. В довесок ко всем семейным радостям у меня просыпается редчайший источник императорской магии приказа и контракта, где каждое слово может стать законом — но за любой закон приходится платить кровью и жизненной силой. А ещё со мной остаётся опасный дар прежней жизни: поглощение и копирование чужой магии. Слишком много силы для парня, которого хотят списать в несчастный случай. В Академии меня встречают хейтеры, дуэли и правила, написанные не для таких, как я.

Содержание

Глава 1	5
«Совет и запрос»	6
Глава 2	8
«Право печатей»	9
Глава 3	12
«Подпись Бельской»	13
Глава 4	17
«Формальность»	18
Глава 5	23
«Дуэльный протокол»	24
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Lost In Space

Кандидат, поступление в Академию

Глава 1

«Совет и запрос»

У Академии была одна неприятная привычка: она делала вид, что время принадлежит ей.

— **Тебя будут провоцировать,** — продолжил дядя. — В Академии у многих есть интересы. У Демидовых, у Салтыковых, у Черкасских Ты должен быть осторожен.

Он перечислял кланы так, будто читал список покупок. Я сидел напротив, держал спину ровно и делал вид, что слушаю спокойно. Внутри было другое: я отмечал каждое имя как возможный удар.

— Демидовы, — повторил я.

— Да, — кивнул дядя. — Особенно они.

Мы разговаривали в комнате для гостей при академическом крыле — в той самой, где мне велели ждать указаний. Указания были простыми: не выходить без сопровождения, не разговаривать лишнего и, если появится сектор, не пытаться быть героем. Я к этому списку добавил своё: **не доверять тону**, каким бы ровным он ни казался.

Дядя встал, поправил манжет.

— Ещё одно, Дмитрий, — сказал он уже мягче. — Здесь тебе будут улыбаться. Иногда даже искренне. Но улыбка — это не доказательство.

— А что доказательство? — спросил я.

— Бумага, — ответил дядя. — И печать. Всё остальное — настроение.

Неожиданное посещение дяди, заставило меня задуматься, может с ним не все так однозначно и если он прав, то у Академии есть два вида людей: те, кто защищают печатями, и те, кто печатями убивают.

И я, похоже, оказался в споре между ними.

Коридоры Академии были одинаково чистыми и одинаково неуютными. Стража вежливо кивала, студенты делали вид, что меня не замечают, но делали это слишком синхронно, чтобы быть случайностью.

Рудницкий нашёл меня у лестницы — как будто у него был внутренний компас на неприятности.

— Кандидат Шереметьев, — сказал он. — Идём. Сначала — ходатайство в Совет.

— А потом? — спросил я.

— Потом вы будете молчать там, где хочется говорить, и говорить там, где хочется молчать, — ответил он. — Это и есть правовая практика.

— Звучит как наказание, — заметил я.

— Почти, — сухо согласился Рудницкий.

Мы дошли до канцелярии Совета. Дверь была тяжёлая, и у меня появилось абсурдное желание извиниться перед ней за то, что сейчас мы начнём здесь оставлять следы.

Рудницкий постучал по-уставному: два коротких, один длинный.

Открыла писец в серой мантии, посмотрела на Рудницкого, потом на меня — и в её взгляде я увидел то, что видят на складе, когда приносят новый ящик: оценку, куда поставить, чтобы не мешал.

— Пять минут, — сказала она. — Не больше.

Внутри сидел старший регистратор с бородкой и привычкой слушать так, будто каждый звук — потенциальная ошибка.

— Рудницкий, — произнёс он. — Что у вас?

Рудницкий положил папку, запечатанную синей печатью Академии.

— Ходатайство в Совет Академии. Открыть полное дело Сцепки / Якоря наследственных линий / Шереметьев, — сказал он. — Основание: безопасность субъекта, межведомственный спор и попытка несанкционированной коррекции.

Регистратор пролистал.

— Закрыто по требованию Совета соглашения, — сказал он. — Вы знаете процедуру.

— Поэтому и подаём через Совет, — спокойно ответил Рудницкий. — И фиксируем.

Регистратор поднял взгляд на меня.

— Вы понимаете, кандидат, что регистрация автоматически уведомит межведомственный реестр? — спросил он.

— Понимаю, — ответил я. — Я хочу, чтобы они узнали официально, а не по слухам.

Регистратор повёл губами — почти улыбка, но без тепла.

— Редкая позиция, — сказал он. — Обычно боятся шума.

— Я уже пробовал тишину, — сказал я. — Не помогло.

Рудницкий еле заметно кивнул — одобрил формулировку.

Регистратор посмотрел на подписи. Две стояли, третья — пустая.

— Ещё одна подпись? — спросил он.

— Магистр Бельская, — сказал Рудницкий. — Как эксперт по якорю. Это проверка участия.

Регистратор постучал ногтем по листу.

— У вас будут проблемы, — сказал он устало. — С сектором. С опекой. И с самой Бельской.

— У нас уже есть проблемы, — ответил Рудницкий. — Мы просто придаём им форму.

Штамп ударил по бумаге.

ПРИНЯТО. РЕГИСТРАЦИЯ

Звук показался мне почти приятным. Как щелчок замка в двери, которая наконец закрылась как надо.

— Теперь два дня, — сказал Рудницкий. — Или меньше.

— Почему меньше?

— Потому что в Академии слухи бегают быстрее, чем писцы, — ответил он. — А сектор бегает быстрее слухов.

К вечеру я возвращался в свою комнату. Сопровождения на этот короткий путь не дали — внутренний контур, безопасно, как сказал один из стражей. Я запомнил: **когда говорят безопасно, обычно что-то проверяют.**

Глава 2

«Право печатей»

У Ратникова была дверь, которую хотелось не открывать.

На ней висели три таблички. Первая — аккуратная, официальная:

КАФЕДРА ПЕЧАТЕЙ И ПРОТОКОЛА

Вторая — уже потёртая, как предупреждение, которое слишком часто игнорируют:

Вход только по вызову.

А третья была написана от руки, без подписи:

Не давайте обещаний вслух. Здесь за это придется расплачиваться.

Рудницкий остановился рядом и постучал — не, как в канцелярии. Три удара, пауза, один короткий. Как будто это был не вход, а пароль.

За дверью щёлкнул замок. Открыли не сразу. Сначала на нас посмотрели в щель и только после этого дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина лет сорока. Мантию на нем воспринималась как будто это форма. Лицо сухое, глаза внимательные — не злые, но такие, которые замечают лишнее.

— Магистр Рудницкий, — сказал он. — И ваш студент?

— Кандидат Шереметьев, — ответил Рудницкий.

Ратников чуть приподнял бровь, будто имя что-то ему подсказало, но он не задал вопросов.

— Заходите.

Кабинет оказался строгим и простым: стол, два кресла для посетителей, шкафы с книгами, доска. На доске вместо формул были короткие фразы:

Печать можно поставить на человека, предмет и воздух.

Метка остаётся даже тогда, когда печать снята.

Самые опасные печати — те, которые выглядят как помощь.

Чуть ниже другой почерк дописал:

Слово — тоже носитель. У некоторых.

Я поймал себя на том, что не хочу смотреть на последнюю строчку. Слишком уж она попадала в меня.

Ратников сел за стол и не предложил нам присесть. Жест был понятен: разговор не для удобства.

— Я слышал, — сказал он, — вы зарегистрировали ходатайство по делу Сцепки.

Рудницкий кивнул.

— Тогда быстро, — Ратников перевёл взгляд на меня. — Фразу.

Я вдохнул.

— Я видел курьера без лица.

Никакой реакции. Ни удивления, ни вопроса что за глупости. Только усталое понимание, как у врача при знакомом диагнозе.

— Значит, по вам прошлись курьерской печатью, — сказал Ратников.

— Курьер без лица — это способ доставки и маскировки, — спокойно объяснил Ратников. — Печать можно поставить так, что вы запомните письмо, маршрут и приказ внутри него — а лицо принесшего не удержится в памяти. Не потому что вы слабый. Потому что печать сделана правильно.

Рудницкий добавил:

— Поэтому мы и пришли сюда.

Ратников кивнул и постучал пальцем по доске рядом со второй строкой.

— Метка, — сказал он. — После такой доставки часто остаётся метка адресата. Невидимая, но рабочая. Она не вредит напрямую. Она просто говорит: *этого можно найти снова.*

Я сглотнул.

— То есть могут прийти ещё раз?

— Придут, — ответил Ратников. — Вопрос только — когда и при каких свидетелях.

Он посмотрел на Рудницкого:

— Вы понимаете, что если вы сейчас поставите на кандидата охранную печать уровня сигнал, Сектор её увидит?

Рудницкий слегка напрягся.

— Я Форматор. Я могу сделать так, что увидят не сразу.

Ратников качнул головой:

— Всё равно увидят. А Сектор любит, когда вы действуете предсказуемо.

Он снова посмотрел на меня:

— Важный вопрос. Что вы подписывали в последние две недели?

— Ничего, — сказал я и тут же поправился. — Никаких договоров. Только журналы посещений.

— Журналы тоже подписи, — сухо заметил Ратников. — И иногда в них прячут лишний пункт.

Рудницкий холодно вмешался:

— Я проверял.

— Хорошо, — сказал Ратников. — Значит, пока вас не взяли на поводок официально.

Я не удержался:

— Поводок?

Ратников открыл ящик стола и достал тонкий металлический браслет без украшений. На внутренней стороне шёл мелкий узор.

— Контрактный обруч, — сказал он. — Самый наглядный вариант. Надевают на запястье — для стабилизации. На деле он режет силу и держит условия. Есть и второй вариант — контрактная печать без обруча. Её ставят прямо на человека. Она хуже тем, что незаметна.

Он положил браслет обратно, словно даже воздух не хотел держать его долго.

— Вам предлагают простое соглашение и скажут: это для вашей безопасности, — продолжил Ратников. — Не верьте.

— Мне уже написали не подписывать, — сказал я.

Ратников на миг задержал на мне взгляд.

— Кто?

Я вспомнил серые глаза в моей комнате — и то, как они не оставили в памяти ничего лишнего.

— Посыльная, — сказал я. — Или кто-то в этой роли.

Ратников кивнул, будто это подтверждало его мысль.

— Правильно. Роль. И вот что важно: этой ролью умеют пользоваться разные руки. ИСВП любит такие инструменты. Канцелярия — иногда берёт в аренду. Сектор ненавидит, но тоже учится.

Рудницкий спросил резко:

— Вы уверены насчёт канцелярии?

Ратников ответил так же резко, но без эмоций:

— Я уверен в одном: если письмо пришло без лица, это значит, что отправителю невыгодно, чтобы вы знали, кто он. Всё остальное — детали.

Он встал и подошёл к доске, к первой строке.

— Теперь урок, кандидат, — сказал он. — Печати бывают разные. Кто-то силён на земле и металле — Материалисты. Кто-то на человеке — Корректоры. Кто-то в воздухе — Форматоры. Кто-то в огне. А есть ментальные печати. Они держатся на слове и памяти.

Он повернулся ко мне:

— И по слухам, у вас склонность ментальная .

Я не ответил.

Ратников не требовал ответа. Он словно проверял не мои слова, а то, как я держу паузу.

— В Академии вас будут звать на дуэли, — продолжил он вдруг. — Не потому что вы всем понравились. А потому что дуэль — это способ спровоцировать вас показать, что вы умеете, проверить на слабину.

— Теперь по делу, — сказал Ратников. — Вы принесёте мне завтра конверт и всё, что было внутри. Ничего не переписывать. Ничего не отдавать на минуту. Даже другу. И ещё: сегодня вы не останетесь один ни на минуту.

— Это из-за метки? — спросил я.

— Из-за привычек людей, — ответил Ратников. — Метка просто делает им удобнее.

Рудницкий спросил:

— Можно ли метку снять?

Ратников помолчал.

— Можно попробовать прожечь, — сказал он. — Огневиком. Но если метка умная, она среагирует. Можно заглушить Форматором — зоной. Можно снять Корректором, если метка телесная. А можно сделать проще: устроить встречу так, чтобы следующий курьер пришёл **при свидетелях**.

Он посмотрел на меня:

— Кандидат, вы готовы к тому, что вас попробуют выдернуть ночью для формальности?

Я вспомнил, как легко в Академии делается вид, что ничего страшного.

— Да, — сказал я.

Ратников прищурился:

— И что вы сделаете?

Я хотел сказать: Я запрещаю, Я приказываю, — и внутри отозвалась знакомая, опасная готовность, будто слово уже ищет, куда лечь печатью.

Я проглотил её.

— Я позову свидетелей, — сказал я. — И не пойду один.

Ратников кивнул, и в этом кивке было больше одобрения, чем в любой улыбке.

— Вот и учитесь, — сказал он. — Не силой. Порядком.

Он закрыл папку на столе.

— И последнее. Если кто-то скажет вам: Это просто формальность, — считайте, что вам сказали: Это ловушка.

Мы вышли.

В коридоре всё было обычным: шаги, голоса, чужой смех. Только я теперь чувствовал кожей простую вещь: печати — не легенды. Они ставятся на воздух, бумагу и людей. А метки остаются.

И если Ратников прав, мне скоро назначат либо формальность, либо дуэль.

В Академии это иногда одно и то же.

Глава 3

«Подпись Бельской»

Рудницкий шёл так, будто у него в голове уже стояла печать маршрута: без лишних поворотов, без остановок, без разговоров на лестницах. Я шёл рядом и ловил себя на странной мысли: раньше я боялся людей. Теперь я начал бояться **бумаг**, которые они могут протянуть.

— Куда мы? — спросил я, когда мы свернули в сторону лабораторного корпуса.

— К эксперту, — ответил Рудницкий. — Нужна подпись.

— Ещё одна?

— Ещё одна, — подтвердил он. — Совет любит, когда риск написан не одним человеком. На двери лаборатории висела аккуратная табличка:

МАГИСТР БЕЛЬСКАЯ
ПЕЧАТИ РАЗРУШЕНИЯ И СНЯТИЯ

Посторонним не входить.

Под табличкой другой рукой было дописано:

Если вошли — не трогайте ничего. Особенно если вам просто интересно.

Рудницкий постучал. Открыли сразу, словно нас ждали.

На пороге стояла женщина в тонких перчатках. Волосы собраны, взгляд прямой. Такая смотрит на человека и сразу видит: где у него привычка врать, где страх, а где печать.

— Рудницкий, — сказала она без приветствия. — Я слышала, вы водите за собой неприятности.

— А это, значит, одна из тех неприятностей? — Она перевела взгляд на меня.

— Кандидат Шереметьев, — представил Рудницкий.

Бельская помолчала секунду.

— Заходите. Но ничего не трогайте. Желательно и не дышите.

Внутри лаборатория была заставлена столами и стойками. На одном — металлические пластины с узорами печатей. На другом — камни с вырезанными линиями. У стены — лампа с прозрачным пламенем, внутри которого на мгновение будто проступали знаки.

Бельская заметила, куда я смотрю.

— Это не игрушка, — сказала она. — Там печать на огне. Она не греет. Она **режет**.

Пётр, будь он рядом, наверняка бы заинтересовался. Я только отступил на полшага.

Рудницкий вынул папку.

— Нужна ваша подпись, — сказал он. — Экспертное подтверждение: попытка контрактного контроля может повредить одарённому.

Бельская усмехнулась:

— Повредить. Какая нежная формулировка. Контрактный браслет делает из человека удобную вещь. Это не повреждение. Это перепрошивка.

Она подошла к столу и достала из ящика тонкий обруч — на вид простой браслет, матовый металл, без украшений. Но узор на внутренней стороне был слишком правильным, будто его резали не руками.

— Вот, — сказала она и положила браслет на стол между нами. — Учебный образец. Его надевают на запястье. Внутри печать. Снаружи — забота.

Я посмотрел на браслет и почувствовал неприятный холод в груди, словно меня уже примерили.

— А второй вариант? — спросил я, вспоминая слова Ратникова.

Бельская кивнула:

— Контрактная печать без браслета. Её ставят прямо на человека. Обычно на внутренней стороне ладони или за ухом — чтобы скрыть. Снять сложнее. Доказать — почти невозможно, если нет свидетеля и мастера.

Рудницкий подвинул к ней лист.

— Подпись, — повторил он.

Бельская взяла лист, пробежала глазами и остановилась на формулировке. Перчатка на её пальцах чуть скрипнула.

— Вы здесь пишете: возможен необратимый вред, — сказала она. — Совет это прочтает и скажет: слишком громко. Попросит заменить на нежелательные последствия.

— Не заменим, — ответил Рудницкий.

— Тогда вам нужен не только мой автограф, — Бельская подняла глаза. — Вам нужны свидетели, что я это сказала и что я это видела.

Рудницкий спокойно:

— Поэтому я привёл кандидата.

Бельская покачала головой:

— Пётр!

Я резко вскинул голову.

Дверь открылась, и вошёл Пётр. На нём была форма, на рукавах — следы сажи, будто он недавно тренировал огневую печать и не до конца отмыл руки.

— Вызывали? — спросил он, и, увидев меня, приподнял бровь.

— Ты? — не удержался я.

— Я здесь иногда работаю, — буркнул Пётр. — Принеси, подай. Прожги вот здесь и не мешай. Огневик — универсальный инструмент, когда кому-то надо быстро и грязно...

Бельская ткнула пальцем в лист:

— Будешь свидетелем. И не вздумай спорить, Пётр.

Пётр вздохнул так, будто его опять назначили виноватым заранее.

— Ладно, — сказал он. — Свидетель так свидетель.

Бельская сняла перчатку с правой руки и достала тонкую печать-перстень. Не драгоценность — инструмент. Положила лист на стол, прижала перстень к бумаге.

— Слушайте внимательно, — сказала она. — Я фиксирую то, что видела. И то, что любой мастер печатей знает, но не любит произносить вслух.

Она выдохнула — и произнесла короткую фразу. Без заклинаний и громких слов. Но воздух в лаборатории словно стал чуть плотнее.

— **Контрактный контроль опасен для одарённых с сильными ментальными печатями. — Попытка успокоить таких браслетом или скрытой печатью часто вызывает срыв. — Риск высокий.**

Перстень оставил на бумаге знак. Не чернильный — скорее, как отпечаток на самой ткани листа.

Пётр поставил подпись свидетеля. Рудницкий — свою. Бельская подписала последней, быстро, будто хотела отстраниться от сказанного.

— Всё? — спросила она.

— Почти, — сказал Рудницкий. — Вы ещё объясните кандидату, что такое якорь. Но коротко.

Бельская посмотрела на меня, и в её взгляде снова мелькнуло личное раздражение — будто я был ошибкой, которую она не заказывала, но должна учитывать.

— Якорь, — сказала она, — это заклинание, которое ломает печати. Не снимает аккуратно. Именно ломает. Ставится чаще на воздух или на камень — так проще поймать чужую печать в зоне. Иногда — на огонь, если есть огневик, который не сгорит вместе с ней.

Пётр фыркнул:

— Намёк понял.

— И хорошо, — сухо ответила Бельская. — Якорь — это шум. Его нельзя сделать незаметно. Кто ломает печати, тот объявляет войну всем, кто любит печати ставить.

Я сглотнул.

— У меня якорь? — спросил я прямо.

Бельская помолчала, будто выбирала честность или безопасность.

— У тебя склонность, — сказала она. — Ментальная. А якорь рядом с такими, как ты, часто появляется сам. Иногда как защита. Иногда как проклятие.

Пётр ухмыльнулся:

— Добро пожаловать в Академию. Тебя будут провоцировать, здесь любят дуэли. И любят выигрывать чужими руками. Если ты кому-то мешаешь, тебя сначала вызывают по правилам. Официально - протокол, судья, свидетели. А за ширмой — трибуны, ставки и политика.

Бельская добавила ровно:

— Идеальный способ заставить менталиста сказать лишнее слово.

Рудницкий посмотрел на меня строго:

— Поэтому вы учитесь молчать, когда хочется говорить.

— А если меня вызовут? — спросил я.

Пётр пожал плечами:

— Тогда у тебя есть секундант. Я, например, могу выйти и прожечь полполя, чтобы тебя не размазали.

Бельская подняла руку, прекращая наш обмен.

— Слушай ещё, кандидат, — сказала она. — Если к тебе придёт посыльная или кто-то с письмом без лица — не хватай и не удерживай. Там почти всегда печать на воздухе. Она уходит, если ты рванёшь.

— Тогда как? — спросил я.

— Свидетель, — сказала Бельская. — И Форматор рядом, чтобы закрыть зону. И огневик, — она кивнула на Петра, — чтобы подсветить и прожечь лишнее.

Пётр поклонился нарочито:

— Служу Академии и вашему плохому характеру, магистр.

— Молчи, — отрезала Бельская, но в уголке её губ мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Она подошла ближе ко мне и сказала уже тише:

— Я работаю с теми, у кого печати не всегда спрашивают разрешения, — перебила Бельская. — Не делай вид, что ты особенный. Делай вид, что ты осторожный.

Рудницкий закрыл папку с подписью.

— Спасибо, — сказал он.

Бельская махнула рукой:

— Не за что. Я подписала не из жалости. Я подписала потому, что мне не нравится, когда людей вешают подобные браслеты.

Мы вышли из лаборатории.

В коридоре Пётр сразу стал другим — менее официальным, более живым.

— Так, — сказал он. — Ты сегодня один не ходишь. Вообще.

— Я и не собирался, — ответил я.

Пётр фыркнул:

— Все так говорят. Потом просто на минуту — и привет.

Рудницкий остановился у окна.

— Теперь у нас есть подпись Бельской, — сказал он. — Совет не сможет сделать вид, что не видел риска.

— Значит, всё будет нормально? — спросил я.

Рудницкий посмотрел на двор, где студенты смеялись и бегали, будто печати существуют только в учебниках.

— Нет, — сказал он. — Теперь всё будет **официально**. А это всегда означает: нас начнут толкать на сцену.

Пётр усмехнулся:

— И угадай, кто будет первым, кто захочет посмотреть, как менталист держится на дуэльном поле?

Я не ответил.

Потому что уже знал: если меня действительно начнут вызывать, мне придётся учиться не только печатям.

Мне придётся учиться **не произносить** то слово, которое очень хочет стать печатью.

Глава 4

«Формальность»

До общежития мы дошли втроём: я, Рудницкий и Пётр.

У входа дежурная смерила нас взглядом.

— Опять вы, — сказала она Рудницкому. — Ещё и группу поддержки с собой привели?

А, у меня потом пол в коридоре дымится, — пробормотала она, посмотрев на Петра.

Пётр поднял руки, показывая ладони:

— Я сегодня белый и пушистый. Ничего не поджигаю без причины.

— Без причины, — повторила дежурная и фыркнула так, будто это самое опасное уточнение в мире.

Мы поднялись на этаж. Коридор был почти пуст — только где-то в конце хлопнула дверь, и шаги быстро затихли. Обычная жизнь, обычный вечер.

У моей комнаты Пётр остановился первым.

— Как договаривались, — сказал он. — Ты — за мной не лезешь. Я смотрю.

— Я и не лезу, — ответил я, стараясь говорить ровно. Это почему-то было важнее, чем обычно.

Пётр подошёл к двери, не касаясь ручки, и провёл пальцами в воздухе вдоль рамы. Не жест мага, а жест человека, который знает, где любят прятать сюрпризы.

— Тут что-то было, — сказал он.

Рудницкий напрягся.

— Печать?

— Не сильная, — Пётр прищурился. — Скорее след. Как будто дверь открывали не ключом.

— Отмычкой? — спросил я.

— Печатью-ключом, — поправил Пётр. — Такая оставляет запах, если умеешь чувствовать.

Рудницкий коротко:

— Открываем. Спокойно.

Ключ повернулся.

В комнате всё выглядело почти как всегда. Почти.

На столе лежал лист бумаги.

— Стой, — резко сказал Пётр.

Я замер в дверях.

Рудницкий шагнул ближе, но тоже не подошёл к столу вплотную. Вместо этого он поднял ладонь — и воздух между ним и листом словно стал чуть плотнее. Форматорская привычка: сначала отделить себя зоной, потом проверять.

— На бумаге печать, — сказал он.

Пётр кивнул:

— И метка. Пахнет приглашением.

— Приглашение куда? — спросил я.

Пётр посмотрел на меня с раздражённой жалостью:

— Туда, где ты останешься один.

Он достал тонкие деревянные щипцы — смешно простые на вид — и осторожно подцепил лист за угол.

— Почему дерево? — спросил я.

— Металл иногда коробит печати, — буркнул Пётр. — А дерево обычно тупое. Как некоторые студенты.

Рудницкий фыркнул, но не спорил.

Пётр перенёс лист к окну и положил на подоконник. В дневном свете бумага была просто бумагой. Но в полумраке комнаты, на фоне стекла, проступили линии — не чернила, а словно рисунок в самой ткани листа. Скрытая печать.

Я почувствовал лёгкий холодок за ухом. Метка адресата как будто напомнила: *это тебе*.

Пётр прочитал вслух, медленно:

Кандидат Шереметьев. Вам предлагается защита. Для подтверждения явитесь сегодня после отбоя к малой аудитории 3. Один. Это формальность.

— Они хотят, чтобы я пришёл, — сказал я.

Рудницкий смотрел на лист так, будто видел не текст, а цепочку действий.

— Это ловушка, — сказал он. — Но ловушка, в которую можно играть вдвоем.

Пётр поднял бровь:

— Ты хочешь сыграть в их игру?

— Я хочу, чтобы следующая попытка была при свидетелях, — спокойно сказал Рудницкий. — Ратников тоже этого хочет.

Я слотнул.

— А я? — спросил я. — Что мне делать?

Рудницкий повернулся ко мне:

— Вы — ничего не подписываете. Никуда не идёте один. И главное: никаких обещаю, клянусь и подобных слов, особенно если вас начнут давить.

— А если начнут угрожать? — спросил я.

Пётр хмыкнул:

— Тогда я начну светить.

Он щёлкнул пальцами, и над его ладонью вспыхнула маленькая искра — без жара, но яркая. Печать на огне. Тонкая.

— Огневики умеют подсвечивать скрытые линии, — пояснил он. — Как тараканов под лампой.

Рудницкий посмотрел на искру и кивнул:

— Хорошо. Сделаем так: после отбоя мы будем рядом с аудиторией 3. Вы, кандидат, — рядом, но не в одиночку и не первым. Я закрою коридор зоной, Пётр подсветит всё, что попытаются спрятать.

— А если это курьер без лица? — спросил я.

— Тем лучше, — сказал Рудницкий. — Тогда мы увидим, как это делается.

Пётр усмехнулся:

— И может быть, прожжём.

Рудницкий посмотрел на него предупреждающе.

— Аккуратно, — сказал он. — Нам нужен не пожар, а доказательства.

Пётр скорчил лицо:

— У меня всегда всё аккуратно. Просто иногда дымком пахнет.

Мы оставили лист на подоконнике — Рудницкий не позволил его спрятать или порвать.

— Пусть думают, что мы согласны, — сказал он. — Пусть печать на бумаге успокоится.

Чем увереннее они, тем проще их ловить.

До отбоя оставалось время. Слишком много, чтобы просто сидеть, и слишком мало, чтобы уйти в другой корпус и не выглядеть подозрительно.

Рудницкий заставил меня поесть в столовой. Это выглядело странно: мы обсуждали опасность, а он следил, чтобы я не забыл хлеб.

— Почему вы — начал я, когда мы вышли из столовой.

— Потому что истощённый менталист говорит лишнее, — отрезал Рудницкий. — И платит дороже.

Пётр шёл рядом и молчал, но молчание у него было не спокойное — как у человека перед дракой.

В десять вечера общежитие затихло. В десять пятнадцать коридоры стали другими: тише, пустее, и каждый шаг звучал как стук в чужую дверь.

В десять двадцать мы вышли из общежития в сторону учебного корпуса.

— Официально мы куда? — спросил Пётр.

— Проверяем послеучебный контур, — ответил Рудницкий. — Если кто-то спросит — это правда. Форматор имеет право.

— А по факту? — уточнил Пётр.

— По факту — ловим того, кто любит формальности, — сказал Рудницкий.

Учебный корпус ночью был строгим и холодным. Лампы горели через одну, будто экономили свет, чтобы тени было больше.

Малая аудитория 3 находилась в конце бокового коридора. Дверь — простая, без таблички. Слишком простая для места, куда зовут после отбоя.

Рудницкий остановился за углом.

— Сюда, — сказал он тихо.

Он поднял руки — и воздух вокруг нас будто стал плотнее, как тонкая плёнка. Я не видел купола, но почувствовал, как звук шагов снаружи стал глуше. Форматорская печать зоны: не барьер, а **отсечка** — чтобы ловушка не ушла слишком легко.

Пётр поднёс ладонь к стене, и на пальцах вспыхнуло ровное белое пламя. Не огонь костра — огонь лампы. Он провёл рукой вдоль пола, и на камне на мгновение проступили тонкие линии — едва заметные, как царапины.

— Тут печать на земле, — прошептал Пётр. — Сигналка. Кто-то ждёт, когда ты наступишь.

— Материалист? — спросил я.

Пётр кивнул:

— Похоже. Или кто-то хорошо притворяется.

Рудницкий нахмурился:

— Значит, это не просто курьер.

Из темноты впереди послышались шаги.

Пётр резко погасил своё пламя, оставив лишь тонкий свет на кончиках пальцев.

Шаги приблизились — и из-за угла вышли двое студентов. Старшие курсы. Форма дорогая, манжеты чистые, как у тех, кто редко сам моет пол после своих формальностей.

Один из них остановился, оглядел коридор и заметил нас.

— О, — сказал он громко. — А вот и кандидат.

Рудницкий сделал шаг вперёд.

— После отбоя студенты должны быть в общежитии, — сказал он спокойно. — Назовите себя и причину нахождения здесь.

Студент улыбнулся, будто ему нравилось, что есть правила.

— Демидов, — сказал он. — Пятый курс. А причина простая: мы пришли на дуэльный вызов.

Я моргнул.

— На что? — спросил я, прежде чем успел остановиться.

Демидов посмотрел прямо на меня, с удовольствием.

— На вызов, кандидат, — сказал он. — Вам оставили приглашение.

Второй студент достал сложенный лист — уже другой, с гербом Академии.

— Протокол, — сказал он. — Академическая дуэль. До первой пробитой защиты. Без смертельных печатей. Всё по правилам.

Рудницкий протянул руку.

— Я посмотрю.

— Конечно, — Демидов улыбнулся шире. — Только не забудьте: отказ — будет зафиксирован. И в глазах общества будет выглядеть трусостью.

Слово трусость прозвучало как пощёчина.

Я почувствовал, как внутри меня поднимается желание сказать что-то резкое.

Ментальная печать проснулась, как зверь, который знает: *можно*.

Рудницкий не глядя на меня тихо сказал:

— Кандидат. Молчать.

Я вдохнул и промолчал.

Рудницкий взял лист, быстро пробежал глазами. Потом поднял взгляд.

— Это не дуэльный протокол, — сказал он. — Это бумага, которая выглядит как протокол. Печать поддельная.

Демидов пожал плечами:

— Вы уверены? Я бы на вашем месте не бросался такими словами.

Пётр сделал шаг вперёд.

— А я бы на вашем месте не играл с огнём, — сказал он спокойно.

И на его ладони вспыхнул свет — ярче, чем нужно для коридора. В этом свете узор на протоколе дрогнул, как плохая маскировка.

Рудницкий положил лист на воздух перед собой — и на мгновение воздух стал твёрдым, удерживая бумагу. Форматорская печать: держатель, чтобы не касаться руками.

— Видите? — сказал Рудницкий. — Печать не академическая. Это фальш.

Демидов улыбаться перестал.

— А если я скажу, что это мой официальный вызов? — спросил Демидов. — И что кандидат обязан ответить?

Пётр чуть повернул ладонь, и огонь на пальцах стал тоньше, как лезвие.

— Тогда оформляйте всё официально, — сказал он. — И ставьте настоящую печать. При свидетелях. А, не на бумажке из кармана.

Демидов посмотрел на меня.

— Ты слышал, кандидат? — спросил он тихо. — Тебя защищают. А ты сам-то кто? Менталист? Или просто удачливый первак?

Слова били точно туда, где у меня было слабее всего: в желание доказать.

И именно в этот момент я понял, зачем всё это.

Им нужно, чтобы я **сорвался**. Чтобы ментальная печать вылезла наружу при свидетелях — и меня можно было либо бояться, либо связать контрактом ради безопасности.

Я поднял голову и сказал, очень осторожно, выбирая простое и безопасное:

— Я не принимаю приглашения после отбоя.

Демидов усмехнулся:

— Значит, отказываешься.

Я посмотрел на Рудницкого.

Рудницкий ответил за меня:

— Он не отказывается. Он требует протокола. Днём. В присутствии арбитра. А сейчас вы нарушаете режим и пытаетесь навязать кандидату бумагу с поддельной печатью.

Демидов на секунду замер.

Пётр шепнул мне:

— Хорошо. Не сказал приказываю. Молодец.

Я услышал это и впервые за вечер почувствовал, что у меня получается.

Но ночь ещё не закончилась.

Потому что из-за двери аудитории 3 тихо щёлкнул замок.

И оттуда, как будто воздух стал тоньше, вышла фигура.

Девушка — или то, что выглядело как девушка. Простая одежда, нейтральная походка, глаза серые. Лицо было. Но взгляд по нему не цеплялся, как по плохо запомнившейся картинке.

Курьерская печать.

Она посмотрела на меня — и я снова почувствовал холодок за ухом, будто метка адресата радостно подтвердила: *нашёлся*.

— Кандидат Шереметьев, — сказала она ровно. — Вам передают.

И протянула конверт.

Рудницкий шагнул вперёд, но девушка уже чуть повернула запястье — и воздух у её руки стал другим: тонкая печать на воздухе, готовая оборвать контакт.

Пётр поднял ладонь с огнём, подсвечивая линии в воздухе.

— Стоять, — сказал он.

Девушка перевела взгляд на Петра. На мгновение её лицо стало ещё более пустым, как будто печать усилилась.

Рудницкий тихо произнёс:

— Свидетели есть. Отлично. Теперь аккуратно.

Я стоял и понимал: вот оно. Следующий курьер пришёл. При свидетелях.

И сейчас решается, стану ли я объектом, которого поведут браслетом — или человеком, который научится держаться на своих ногах.

Глава 5

«Дуэльный протокол»

Курьер стояла в дверях аудитории 3, держа конверт на вытянутой руке.

Пётр подсвечивал воздух тонким белым огнём: пламя не давало тепла, зато заставляло проявляться невидимые линии. В свете вокруг запястья курьера дрожала едва заметная паутина — печать на воздухе, готовая сорваться и уйти, если её схватят не так.

Рудницкий поднял ладонь, и рядом с конвертом воздух уплотнился — будто появилась невидимая стеклянная полка.

— Сюда, — сказал он курьеру спокойно. — Не в руки.

Курьер чуть наклонила голову. На секунду мне показалось, что она не поняла смысла фразы.

— Мне велено передать кандидату Шереметьеву, — ровно произнесла она.

Демидов, стоявший сбоку, усмехнулся:

— Ну вот и передаёт. Всё честно. Формальность.

Рудницкий не посмотрел на него.

— Передать не значит в ладонь, — сказал он. — Передайте в зону. При свидетелях. Это законно.

Курьер замерла. Потом медленно опустила конверт на полку из воздуха. Как только бумага легла, воздух на миг дрогнул — печать доставки попыталась дёрнуться, проверить, не нарушили ли её.

Пётр чуть усилил огонь на пальцах, и паутина печати стала виднее.

— Есть, — тихо сказал он. — Держится. Пока.

Рудницкий сделал короткий жест — и полка сместилась ближе к нам, но всё ещё не касалась ни одной руки.

— Кандидат, — сказал он мне. — Вы не берёте. Вы смотрите.

— Я понял, — ответил я и постарался, чтобы голос звучал ровно.

Курьер наблюдала за мной с тем же нейтральным вниманием, как письмо наблюдает за адресатом: не любопытство, а проверка соответствия.

— Кто отправитель? — спросил Рудницкий.

— Не указано, — ответила курьер.

— Тогда указываем мы, — сказал Рудницкий и повернулся к Демидову. — Вы свидетели.

Ваши имена.

Демидов усмехнулся:

— С чего бы?

— С того, что вы здесь после отбоя, — спокойно ответил Рудницкий. — И уже пытались сунуть кандидату поддельный протокол. Хотите, чтобы я сообщил старшему арбитражу?

Улыбка Демидова стала тоньше.

— Демидов Арсений. Пятый курс, — произнёс он. — А это — Климов. Тоже пятый.

Рудницкий кивнул, запомнил, будто поставил метку на бумагу в голове, и снова посмотрел на курьера.

— Вы тоже будете свидетелем, — сказал он. — Назовите себя.

Курьер моргнула.

— У меня нет имени, — ответила она спокойно.

Пётр фыркнул:

— Ага. Конечно.

Рудницкий не стал спорить.

— Тогда фиксируем: курьер без имени, — сказал он. — Пётр, ты слышал?

— Слышал, — буркнул Пётр. — И запомнил.

Рудницкий посмотрел на конверт.

— Теперь самое важное, — сказал он. — Открывать будем здесь. И не руками.

Он достал из внутреннего кармана тонкую пластину — прозрачную, как стекло, но не стекло: по краям шли линии форматорской печати. Пластина легла на воздух рядом с конвертом, и Рудницкий коротким движением заставил её прижать бумагу сверху, не касаясь.

— Зачем? — спросил я.

— Если внутри печать-укус, — ответил Рудницкий, — она срабатывает на прикосновение.

Пётр наклонился и поднёс огонь ближе — осторожно, чтобы не прожечь бумагу.

— На воске не запечатано, — сказал он. — Но на клапане есть тонкая линия. Как нитка.

— Печать на сгибе, — сказал Рудницкий. — Классика.

Он сделал едва заметный жест — и воздух у края конверта стал острым, как лезвие. Не оружие, а инструмент: форматорская печать воздушного клинка.

Клапан разошёлся сам, аккуратно и бесшумно.

Из конверта выскользнул лист.

И сразу же воздух в коридоре словно стал холоднее.

Я не почувствовал удара. Я почувствовал **приглашение** — как мысль, которую тебе будто подложили в голову: *соглашайся, это безопасно*.

Рудницкий резко сказал:

— Не читать вслух.

Я закусил губу. Демидов хмыкнул.

Пётр подсветил лист огнём, и на бумаге проявился текст. Обычные буквы, но рядом с ними — тонкие линии печати, словно невидимая рука подчёркивала нужные слова.

Рудницкий прочитал про себя, быстро. Потом поднял взгляд на меня.

— Это предложение защиты, — сказал он. — В обмен на добровольную контрактную печать.

Демидов развёл руками, изображая удивление:

— Защита. Вам что, ещё нужно?

Я посмотрел на Демидова и вдруг понял: он не просто наблюдает. Он ждёт, что я **скажу** что-нибудь сильное. Что-нибудь такое, что станет печатью.

Я медленно выдохнул и сказал максимально простое:

— Я не согласен.

Курьер моргнула — и на миг показалось, что в её глазах мелькнула пустота, как у зеркала.

— Отказ фиксируется, — сказала она.

И повернулась, будто собиралась уйти.

Рудницкий поднял ладонь, и форматорская зона у коридора плотнее закрылась: не клетка, но достаточно, чтобы задержать.

— Подождите, — сказал он. — Кто отправитель?

— Не указано, — повторила курьер.

Пётр сделал шаг ближе, огонь на его пальцах стал ярче.

— Тогда скажи по-другому, — сказал он. — Чья печать тебя держит?

Курьер посмотрела на Петра — и впервые в её голосе прозвучала не ровность, а напряжение:

— Вы не имеете права—

— Имею, — перебил Рудницкий. — Здесь попытка навязать контракт после отбоя. При свидетелях. В зоне. Я имею право задержать до прибытия арбитра.

Демидов резко перестал улыбаться.

— Вы перегибаете, магистр.

Рудницкий даже не повернул голову.

— Пётр, — сказал он. — Жги маску.

— С радостью, — ответил Пётр.

Он щёлкнул пальцами.

Белое пламя вспыхнуло не на курьере и не на полу — оно вспыхнуло **в воздухе рядом с ней**, как прожектор. И тонкая паутина печатей вокруг её лица дрогнула, зашипела, будто у неё появилась кожа, и эту кожу ткнули иглой.

Курьер отступила на шаг.

И в этот миг её лицо стало чётче. Не красивее, не страшнее — просто **запоминаемым**.

Печать без лица дала трещину.

Я поймал взгляд девушки — настоящий, живой, раздражённый.

— Ты, — выдохнул я, не как обвинение, а как узнавание.

И тут же почувствовал, как внутри меня поднялась другая волна: желание не просто узнать, а **зафиксировать**. Приклеить к реальности. Сделать так, чтобы она больше не могла скрыться.

Слово просилось наружу.

Рудницкий резко шагнул ко мне и почти шёпотом сказал:

— Не смей приказывать. Ты не знаешь цену.

Я стиснул зубы. Кивнул.

Курьер — уже не совсем курьер — резко махнула рукой, и воздух перед ней дрогнул: печать уходя, тонкая, скользкая.

Пётр сделал движение ладонью, будто срезал её огнём. Белое пламя не ударило — оно просто **перекрыло линию**, как нож перерезает верёвку.

Печать уходя захлебнулась.

— Ого, — сказал Климов, и впервые в его голосе было настоящее уважение. — Огневик.

Пётр посмотрел на него холодно:

— Запомнил.

Рудницкий сделал два быстрых жеста, и зона сжалась вокруг девушки. Не давила, но ограничивала шаг.

— Имя, — потребовал он.

Девушка смотрела на нас с ненавистью, но уже человеческой.

— Вы думаете, вам это поможет? — тихо сказала она.

— Поможет протокол, — ответил Рудницкий. — А имя — приложится.

Она дёрнула плечом.

— Алиса, — сказала она наконец. — Довольны?

Я не знал, правда это или роль, но теперь у неё было слово, за которое можно зацепиться в протоколе.

Пётр, не убирая огня, бросил Рудницкому:

— Демидовы тоже пусть остаются. Свидетели, как хотели.

Демидов сделал шаг назад.

— Мы здесь вообще ни при чём.

— Конечно, — сказал Пётр. — Вы просто гуляли после отбоя.

Рудницкий поднял руку — и воздух у выхода из коридора уплотнился, как закрытая дверь. Форматорская отсечка. Не навсегда, но достаточно, чтобы разговор не закончился бегством.

— Сейчас будет арбитр, — сказал Рудницкий. — И тогда всё станет на свои места.

Демидов зло улыбнулся:

— Арбитр ночью? Вы думаете, он прибежит по щелчку?

— Прибежит, — сказал Рудницкий. — Потому что вы не первые, кто пытается сделать из формальности рычаг.

Он достал из кармана маленький жетон — металлический, с выдавленной печатью. Сжал в кулаке.

Я почувствовал, как по коридору пошла тонкая волна: не звук и не свет — вызов. Форматорская печать связи.

Пётр наклонился ко мне и шепнул:

— Сейчас главное — держи рот закрытым. Они будут тебя колоть.

— Я понял .

Демидов посмотрел прямо на меня:

— Скажи честно, кандидат. Ты правда думаешь, что без контракта ты выживешь в Академии?

Фраза была сделана правильно: не угроза, не приказ. Вопрос, который хочется закрыть гордостью.

Я вдохнул и ответил так, как учил Ратников — не силой, а порядком:

— Я переживу эту ночь без контракта. Остальное — увидим.

Демидов усмехнулся:

— Смело.

— Осторожно, — поправил я.

И в этот момент я понял: это и есть дуэль, только без поля. Слова вместо печатей. Давление вместо ударов.

Дверь в конце коридора открылась, и быстрые шаги приблизились.

Появился арбитр — пожилой мужчина с серым воротником, который выглядел так, будто его выдернули из сна и сразу дали протокол в руки. За ним шёл ещё один преподаватель — Корректор, по виду. Корректоры всегда смотрели на людей так, будто видели на коже чужие следы.

— Что здесь происходит? — коротко спросил арбитр.

Рудницкий протянул ему лист и конверт, не касаясь руками: всё лежало на полке из воздуха.

— Попытка навязать контрактную печать кандидату после отбоя, — сказал он. — Курьерская маскировка. Свидетели: Демидов Арсений и Климов. Пётр прожёт маску, имя названо: Алиса. Прошу зафиксировать.

Арбитр посмотрел на Демидова. Демидов выдержал взгляд, но уже без прежней уверенности.

Корректор подошёл ко мне и, не касаясь, провёл рукой у моего уха.

— Метка есть, — сказал он тихо. — Адресат. Старая. На неё и вели.

У меня внутри сжалось.

— Можно снять? — спросил я.

Корректор качнул головой:

— Не сейчас. Снимать — это вмешательство. А вмешательство без решения — это повод сказать, что вас лечили от опасности. Сейчас лучше фиксировать всё официально.

Рудницкий кивнул арбитру:

— Я об этом и говорил. Нам нужен протокол.

Арбитр вздохнул, открыл папку и сказал сухо, как приговор:

— Хорошо. Будет протокол. А раз у нас тут уже пахнет вызовами и формальностями завтра, днём, Демидов Арсений, вы оформите настоящий дуэльный вызов, если он вам так нужен. При арбитре. Без подделок.

Демидов скрипнул зубами.

— С удовольствием, — сказал он.

Пётр усмехнулся:

— Вот и договорились. По правилам.

Я посмотрел на Демидова — и понял, что это не конец, а только начало. Он получил то, что хотел: **официальную сцену**. Только теперь сцена будет не ночью, а днём — при арбитре.

И хуже всего: мне придётся выйти на поле и удержать себя от слова, которое слишком легко становится печатью.

Арбитр повернулся ко мне:

— Кандидат Шереметьев. Вы понимаете, что ментальные печати — опасная вещь на дуэли?

— Да, — ответил я.

— Тогда завтра до полудня вы явитесь на инструктаж по дуэльному протоколу, — сказал он. — С секундантом. И без героизма.

Пётр сразу сказал:

— Я с ним.

Арбитр посмотрел на Петра:

— Огневик?

— Да, — коротко ответил Пётр.

— Хорошо, — сказал арбитр. — Огневика на дуэлях полезны. Они быстро показывают, где ложь.

Девушку-курьера уже уводили — не грубо, но плотно, через зону Рудницкого. Она посмотрела на меня последний раз.

И в этом взгляде было не только зло. Там было обещание: *мы ещё попробуем*.

Когда коридор опустел, Рудницкий отпустил зону. Воздух снова стал обычным. Тихим. Даже слишком.

Пётр хлопнул меня по плечу — осторожно, но ощутимо.

— Живой, — сказал он. — И главное — молчал, когда надо.

— Я не молчал, — возразил я.

— Ты не сказал того единственного слова, — Пётр кивнул. — Вот это и считается.

Рудницкий посмотрел на меня внимательно:

— Завтра будет дуэль. Это политика. Это зрелище. И это ловушка. Но теперь у нас есть протокол ночи. И подпись Бельской. И свидетели. Это значит, что они не смогут случайно надеть на вас браслет и назвать это заботой.

— А что они смогут? — спросил я.

Рудницкий ответил честно:

— Они смогут попытаться довести вас до того, чтобы вы сами произнесли слово, за которое вы заплатите кровью.

Я опустил глаза на свои руки.

На вид — обычные. Но я уже знал: для меня слово не всегда просто слово.

И завтра это увидят все.

Глава 6

«Инструктаж»

Утром Академия выглядела так, будто ночью ничего не происходило.

Студенты спешили на занятия, спорили у лестниц, кто-то смеялся — как смеются люди, уверенные в завтрашнем дне.

Рудницкий отвёл меня не на кафедру, а в административный корпус — туда, где стены не пахли воском и огнём, а пахли бумагой, пылью и властью.

— Дальше без фокусов, — сказал он на ходу. — Никаких громких фраз. Никаких обещаний.

— Я понял, — ответил я.

Пётр шёл рядом, молчал, но его молчание было собранным. Огневика вообще редко выглядят спокойными: у них спокойствие похоже на закрытую зажигалку, которая всё равно тёплая.

У двери с табличкой **ДУЭЛЬНЫЙ АРБИТРАЖ** нас уже ждали.

Арбитр, тот самый ночной, сидел за столом и пил чай так, будто ночь была не вчера, а лет десять назад. Рядом стоял Корректор — мужчина с узкими пальцами и внимательными глазами.

— Кандидат Шереметьев, — сказал арбитр. — И секундант?

— Пётр, — коротко ответил Пётр. — Огневик.

Арбитр кивнул:

— Хорошо. Огневик на поле —лезен. Сразу видно, где печать врёт.

Он жестом указал на стулья.

— Садитесь. Это будет быстро и скучно. Скучно — значит безопасно.

Я сел. Пётр сел так, будто готов был вскочить и прожечь протокол, если его попытаются подменить.

Арбитр открыл папку.

— Академическая дуэль, — начал он. — Формально это способ решать конфликты при свидетелях. Фактически — способ показывать силу и собирать сторонников. Правила существуют, чтобы никто не умер случайно. Кто хочет, чтобы умерли *не случайно*, обычно ищет обход.

Он поднял взгляд на меня.

— Ваша задача — не дать им обход.

Корректор подошёл ближе и сказал:

— А моя — не дать вам самому себе навредить.

Арбитр продолжил, перечисляя сухо, как будто читал расписание:

1. **Дуэль объявляется письменно.**

2. **Печать арбитража — настоящая.**

3. **Ограничение — до первой пробитой защиты или до первой крови — зависит от протокола.**

4. **Запрещены смертельные печати.**

5. **Запрещены ментальные воздействия без фиксации.**

Я поднял глаза.

— То есть ментальные печати запрещены?

Арбитр посмотрел на меня внимательно.

— Они не запрещены, — сказал он. — Они неудобны для суда. Если Корректор не зафиксировал воздействие, завтра обе стороны скажут: Он сам так решил. Понимаете?

Я кивнул.

Корректор добавил:

— Поэтому менталистов либо провоцируют на явный срыв, либо заставляют работать так тонко, что доказать невозможно. В обоих случаях вы платите.

Пётр тихо спросил:

— Демидов оформил вызов?

Арбитр кивнул и вытащил лист.

— Оформил. Как положено. И это уже хуже, потому что теперь у него легальная сцена.

Он повернул бумагу ко мне. Вверху — герб, внизу — печать арбитража. Настоящая, тяжёлая, как камень.

Вызов кандидату Шереметьеву Дмитрию вид: учебная дуэль ограничение: до первой пробитой защиты место: учебное поле 2 время: сегодня, 16:00 противник: Демидов Арсений, V курс секунданты: допускаются

— Вы принимаете? — спросил арбитр.

Я почувствовал, как внутри всё напряглось. Принять — значит выйти. Отказать — значит дать им повод.

Рудницкий был прав: теперь всё будет официально.

Я посмотрел на Петра.

Пётр едва заметно кивнул: *принимай, но не словами, которые тебя уничтожат.*

— Принимаю, — сказал я.

И тут же добавил, прежде чем кто-то успел подцепиться:

— В рамках протокола. При арбитраже. С секундантом.

Арбитр кивнул, удовлетворённо.

— Верно. Теперь — техника безопасности для менталиста.

Корректор положил на стол тонкий лист — чистый, без текста.

— Это упражнение, — сказал он. — Произнесите вслух любую фразу, которая *ничего не делает*. Например: Сегодня будет дождь.

— Сегодня будет дождь, — сказал я.

Ничего не произошло.

Корректор кивнул.

— Теперь фразу, которую вы обычно говорите, когда хотите, чтобы человек *сделал* что-то. Самую бытовую.

Я задумался.

— Подойди, — сказал я.

И воздух будто дрогнул.

Не снаружи. Внутри меня. Как будто слово нашло опору и попыталось лечь печатью — не на другого, а на саму реальность намерения.

Корректор резко поднял руку.

— Стоп, — сказал он. — Вот это. Чувствуете?

Я сглотнул.

— Да.

— У вас печать идёт по намерению, — сказал Корректор. — Слово — только спуск. Поэтому на дуэли вы будете говорить меньше. А если говорите — то без толкающих глаголов.

Пётр хмыкнул:

— То есть без половины языка.

— Лучше без половины языка, чем без половины крови, — спокойно ответил Корректор.

Арбитр подхватил:

— На поле вам будут кричать. Вас будут звать. Вас будут унижать. Любая дуэль против менталиста — это попытка заставить его сорваться.

Я спросил:

— А что мне делать? Я же не Корректор, не Форматор, не Материалист. Я не умею обычные печати.

Арбитр помолчал и сказал честно:

— Тогда вы делаете то, что умеете, но не так, как они ждут. Вы — менталист. Значит, ваша защита — **контроль себя копирование малого**.

Арбитр закрыл папку.

— Теперь о секундантах, — сказал он Пётру. — Ваши обязанности: следить, чтобы противник не нарушал протокол, и фиксировать печати. Если увидите подмену — заявляете немедленно.

— А если они будут давить через толпу? — спросил Пётр.

Арбитр усмехнулся.

— Это Академия. Толпа — часть печати. Только социальной.

Он поднялся.

— Инструктаж закончен. Корректор ещё посмотрит вашу метку адресата.

Корректор снова подошёл ко мне, провёл ладонью возле уха, на расстоянии.

— Метка держится глубоко, — сказал он. — Снятие сейчас может дать им повод сказать: мы лечим опасного. Мы сделаем иначе: поставим **пассивную метку фиксации**. Не на вас — рядом.

— На воздух? — спросил я.

Корректор кивнул:

— На пространство вокруг вас. Маленький контур. Он не защитит от удара, но зафиксирует попытку ментального вмешательства. Это работа Форматора, но я умею базово.

Пётр скептически:

— Корректор и Форматор в одном лице?

Корректор сухо:

— Я жизнь в Академии научит всему.

Он сделал короткий жест, и я почувствовал вокруг себя лёгкую рамку — как будто пространство стало чуть внимательнее. Не щит. Скорее, свидетель.

— Всё, — сказал Корректор. — Теперь если кто-то попробует внушить или потянуть вашу волю, у нас будет след.

Мы вышли из арбитража.

В коридоре Пётр сразу сказал:

— Значит так. До дуэли ты со мной. Не один. И никаких разговоров с Демидовым.

— Он всё равно будет разговаривать, — ответил я.

— Пусть, — сказал Пётр. — Его язык — его оружие. Твой — твоя мина. Не наступай.

До четырёх часов оставалось несколько часов, и они тянулись хуже, чем ночь. Днём страхи становятся приличными: сидят ровно, не орут, но не уходят.

Мы пришли в тренировочный зал, где Пётр иногда занимался. Он показал мне простейшие вещи — не магия, а тело: как стоять, как дышать, куда смотреть, когда на тебя давят.

— Ты на поле не смотри на трибуны, — сказал он. — Смотри на руки противника. Печати всегда сначала в руках, потом в воздухе.

— А если он Материалист? — спросил я.

— Тогда смотри под ноги, — сказал Пётр. — Они любят землю. Если Форматор — смотри на расстояние: они любят зону. Если Корректор — не дай ему коснуться. Если огневик — молись, чтобы он был в хорошем настроении.

— А менталист? — спросил я тихо.

Пётр на секунду замолчал.

— Тогда ты в самой грязной категории, — сказал он. — Потому что никто не увидит, кто первый ударил. Поэтому запомни: твой лучший ход — заставить их ударить **видимо**.

Я кивнул, хотя не до конца понимал как.

К четырём нас повели на поле 2.

Учебное поле выглядело как аккуратная арена: ровный круг, каменные метки по краям, стол арбитра, трибуны. Протокол. Чистота. И под этой чистотой — азарт.

Трибуны были заполнены. Я услышал своё имя до того, как вышел на круг: шёпот, смешки, ставки.

— Он правда менталист? — Говорят, приказом может — Да ерунда, первак. — Демидов его размажет.

Пётр шёл рядом и держался так, будто его огонь уже горел, просто никто не видит.

Арбитр стоял у стола и листал протокол. Рядом — два свидетеля от дуэльного клуба.

Демидов уже был на поле. Он улыбался трибунам и выглядел уверенно, как человек, который пришёл не драться, а выступать.

Когда я вышел, он посмотрел на меня с интересом.

— Ну здравствуй, кандидат, — сказал он громко. — Слышал, ночью ты был очень осторожный.

Толпа тихо загудела. Ночь уже превращалась в слухи.

Пётр шагнул вперёд.

— По протоколу, — сказал он арбитру. — Противник провоцирует.

Арбитр поднял руку.

— Слова не запрещены, — сказал он. — Но фиксируем.

Демидов улыбнулся ещё шире.

— Я всего лишь приветствую.

Я понял: он будет говорить. Он будет толкать. Он будет тянуть из меня слово.

И мне придётся выдержать.

Арбитр поднял голос:

— Дуэль учебная. До первой пробитой защиты. Смертельные печати

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.